Бабушкин

В ЗАЩИТУ Ив-Вознес. РАБОЧИХ

ВЪ ЗАЩИТУ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКИХЪ РАБОЧИХЪ

*Гдѣ же тутъ справедливость?
Обижаете вы насъ,
Неба грозная немилость
Посѣтитъ за это васъ!..*

Фабричное стихотвореніе, приводимое въ статьѣ Дадонова, стр. 66.

Трудно нашему брату рабочему живется на фабрикахъ и заводахъ; много приходится переносить разныхъ выжиманій, выколачиваній, угрозъ; разнаго рода притѣсненія процвѣтаютъ всюду, всюду прижимки и штрафы, а заработки плохи и мало-ли что еще дѣлается противъ насъ! И хотя это ведется на фабрикахъ съ начала ихъ основанія, но привыкнуть къ этому мы не можемъ и ведемъ противъ упомянутыхъ золъ борьбу, и въ этой борьбѣ надѣемся остаться побѣдителями. Хорошо прижимаютъ насъ капиталисты хозяева, но хуже еще преслѣдуетъ правительство. А разные длинноволосые попы стараются втолковать намъ рабскую покорность и фарисейски упрекаютъ въ пьянствѣ и т. п. безнравственностяхъ. Конечно, мы ко всему этому давно привыкли и знаемъ всему этому цѣну: „собака лаетъ“; такъ, по крайности, говоритъ русская пословица. Но все же горько становится, когда лучшіе въ Россіи журналы ополчаются противъ насъ же рабочихъ. „Гдѣ же тутъ справедливость?“ Это какъ будто значитъ, не только капиталисты и правительство, но и всякіе либеральные органы, какъ „Русское Богатство“, по крайней мѣрѣ, г. Дадоновъ, не наши доброжелатели? Не утверждаемъ, но знакъ вопроса поставить имѣемъ основаніе. Мы не забываемъ, конечно, а твердо помнимъ, что „освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ“ (Ман. Коммуст. Партіи).

Итакъ, „Русское Богатство“ помѣстило статью г. Дадонова „Русскій Манчестеръ“ (декабрь 1900 г.), въ которой

г. Дадоновъ обвиняетъ насъ въ пьянствѣ, равнодушіи къ знанію и т. д. Обвиненія, можно сказать, очень существенныя, и мы никакъ не могли ихъ оставить безъ отвѣта. Конечно, если бы это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, то тогда мы не имѣли бы возможности отвѣчать, ибо то-же „Рус. Бог.“ не приняло бы возраженія отъ рабочаго, а тѣмъ болѣе въ настоящемъ его изложеніи. Но времена тѣ, пожалуй, совсѣмъ миновали, и мы постараемся нѣсколько отучить тыканье въ насъ пальцемъ.

Мнѣ припоминается теперь одинъ отвѣтъ учительницы ученикамъ въ вечерней воскресной школѣ. Какъ-то рѣчь коснулась слова „либералъ“, и вотъ, объясняя это слово, учительница старалась поднять на извѣстную высоту личность либерала и показать ее съ хорошей стороны. Тутъ были и просвѣщеніе, и гуманность, и законность, и полная свобода, и много другихъ хорошихъ качествъ, которыми обладаетъ личность „либерала“. Слушая въ числѣ прочихъ учениковъ это перечисленіе, я тотчасъ же вспомнилъ изъ газетъ, что за границей либералы очень часто (можетъ всегда?) дѣйствуютъ противъ соціалистовъ. И вотъ послѣ этого я долго не могъ хорошо переварить этого: всѣ хорошія качества съ одной стороны, противникъ для насъ, стремящихся къ счастью всѣхъ, — съ другой. Но это мимоходомъ.

Постараемся отвѣтить г. Дадонову въ порядкѣ упомянутыхъ обвиненій и оправдать, насколько возможно, наши поступки.

Г. Дадоновъ говоритъ, что „главную статью расхода составляетъ одежда и водка. На то и другое въ отдѣльности тратится отъ 30 до 70 руб. въ годъ“, и это расходъ „рабочихъ съ годовымъ заработкомъ отъ 100 до 200 руб. въ годъ“. Это значитъ, что рабочій, получающій 100 руб. въ годъ, тратитъ на водку и одежду 60 руб., т. е. весь годъ рабочій долженъ за 3 руб. 33 коп. въ мѣсяцъ имѣть харчи, баранки чай, квартиру, табакъ, баню, стирку и еще послать въ деревню. Ой, ой, какую чепуху говоритъ г. Дадоновъ!

Если рабочій тратитъ на водку 30 руб. въ годъ, то на эти деньги онъ можетъ купить въ мѣсяцъ пять бутылокъ

водки. Выходитъ, г. Дадоновъ, что рабочій, питающійся хлѣбомъ, картофелемъ, гречневой кашей, выпиваетъ въ сутки меньше $^1/_{100}$ ведра. И за это вы осмѣливаетесь намъ крикнуть: „пьяницы!“ Не слишкомъ-ли черезъ край хватили?! Допустить, что рабочій прогуляетъ 1 рубль въ воскресенье, невозможно: это было бы 52 руб. въ годъ, да вѣдь еще есть, кромѣ воскресныхъ дней, годовые праздники. Правда, на годовые праздники покупается водка въ большомъ количествѣ, но сюда-то и уходитъ большая часть суммы, расходуемой на водку и если въ Пасху или Рождество рабочій позволитъ себѣ выпить лишнее, то отсюда дѣлать заключеніе, что онъ пьяница, очень недальновидно. Нужно помнить и то, что рабочій, питающійся чаемъ, хлѣбомъ и картофелемъ, бываетъ слабъ на ногахъ отъ одной рюмки, особенно если онъ мало работаетъ здоровой физической работы.

Пойдемъ дальше. Въ среднемъ рабочій, проживающій въ артели, тратитъ на харчи 4 р. 50 к. въ мѣсяцъ, на приварокъ, чай, сахаръ, баранки выйдетъ не меньше 1 р. Итого въ годъ 66 р. только на пропитаніе. Выходитъ, что для человѣка, зарабатывающаго не 100 р., а даже 125 р., нѣтъ возможности тратить на водку и одежду 60 р. Опять выходитъ, что г. Дадоновъ сказалъ чепуху.

Возьмемъ бюджетъ женатаго ткача, какъ лучше оплачиваемаго. Ткачъ зарабатываетъ отъ 150 до 180 руб. въ годъ. Беремъ умѣренные расходы: квартира, харчи и чай — 90 р. въ годъ, на водку, по предположенію г. Дадонова, 30 р., на одежду, по его же предположенію, 30 руб., табакъ 5 р., вотъ уже 161 р., но вѣдь есть еще расходы: выслать роднымъ, баня, болѣзнь, непредвидѣнные расходы, — а у насъ уже есть недостатокъ, откуда же взять? Очевидно, приходится сокращать „главный расходъ“. Но, оказывается, сокращать бюджетъ на одежду не особенно удобно. Въ годъ на обувь, будетъ-ли это штиблеты или сапоги, все равно — 7 руб. не меньше; предположимъ, что рабочій справитъ два пальто въ два года, зимнее и лѣтнее — 25 руб., въ годъ 12 р. 50 к., какой-нибудь пиджакъ въ 4 р., на работѣ порвется разнаго платья на 2 р. итого 25 р. 50 к., а вѣдь нужно

еще купить „триковые штаны“, картузъ, шапку, иногда жилетъ, рубашки, кальсоны, оказывается недостатокъ. Откуда взять, г. Дадоновъ? А если у женатаго да еще есть дѣти, то прохарчуется онъ на 4-6 р., какъ думаете, г. Дадоновъ? не придется-ли ему тогда кое-что купить для ребятъ: рубашенку и кое-что другое? не будетъ-ли онъ принужденъ лишнее платить за квартиру? Какъ видѣли, къ бюджету на одежду скорѣе придется прибавить, а не убавить, но всѣ прибавки приходится брать изъ бюджета на водку, и послѣдній все дѣлается меньше и меньше. Теперь если взять рабочаго, который зарабатываетъ 8 р. (есть и меньше, заработки въ 6-7 руб.), то насколько примѣнима сумма (наименьшая), выставленная г. Дадоновымъ, на водку и одежду, видно изъ того, что онъ долженъ былъ бы прожить на три руб. въ мѣсяцъ, изъ которыхъ долженъ уплатить за харчи, квартиру, табакъ, выслать въ деревню и т. п. и т. п. Думать или утверждать это можетъ человѣкъ, у котораго голова не въ порядкѣ, а такіе люди не должны заниматься литературой! Г. Дадоновъ говоритъ: „что касается заработковъ, то они колеблются отъ 8 до 100 р. въ мѣсяцъ“. Вотъ такъ опредѣлилъ! Ужъ не на Великомъ-ли океанѣ стоитъ Иваново-Вознесенскъ, что тамъ такое колебаніе? Это такое же опредѣленіе, какъ если я скажу, что интеллигентные люди получаютъ отъ 25 до 2,500 руб. въ мѣсяцъ и, хотя это вѣрно, — вѣдь многіе получаютъ по 25 руб. и есть директора, получающіе 30,000 и болѣе въ годъ, но это не опредѣленіе, а чепуха. „Если не вершокъ, то сажень“, такова точность г. Дадонова. Если и бываютъ люди, которые все, что зарабатываютъ, несутъ въ кабакъ, то такія личности больны и очень мало работаютъ, ихъ не держатъ на фабрикахъ, а человѣкъ, зарабатывающій 100 р. въ мѣсяцъ, живетъ при другихъ нѣсколько условіяхъ и за квартиру платитъ не „1 руб. съ хозяйскимъ приваркомъ“, а несравненно больше проживаетъ, и одинаково тратитъ очень много денегъ на то, что г. Дадоновъ строго осуждаетъ. Для иллюстраціи позволяю себѣ привести примѣръ. Мнѣ пришлось работать съ иностранцемъ, который на работѣ

выпивалъ ежедневно по двѣ бутылки пива; это стоитъ 30 к., а въ годъ 108 р. Это расходъ только на пиво. Цыфра очень внушительная для насъ, русскихъ рабочихъ, а для г. Дадонова и того больше! И все же никто не думалъ изъ администраціи (иностранцы) дѣлать заключеніе, что уважаемый у нихъ работникъ пропиваетъ много денегъ.

Г. Дадоновъ, утверждающій, что пьянство введено въ систему, сдѣлалъ такое заключеніе на основаніи показаній общества трезвости. Конечно, мы, рабочіе, отлично знаемъ, что изъ себя представляютъ многія общества трезвости и что они будутъ представлять, благодаря ихъ оффиціальному положенію при введеніи новой системы, т. е. когда царь-батюшка захотѣлъ быть кабатчикомъ, а министръ Витте цѣловальникомъ; достаточно упомянуть исключеніе графа Толстого изъ почетныхъ членовъ московскаго общества трезвости. Пусть простятъ мнѣ гг. культурники, — но не нужно быть пророкомъ, чтобы утверждать, что не имъ суждено быть руководителями названныхъ обществъ, а займутъ эти мѣста разные чиновники и батюшки. „Искра“ надѣется вскорѣ познакомить читателей съ однимъ трезвеннымъ обществомъ, которое усиленно искореняетъ пьянство... Совершенно вѣрно, г. Дадоновъ, „могарычи“ существуютъ, и существуютъ не только въ Иваново-Вознесенскѣ, но и въ Петербургѣ, Москвѣ, на югѣ и почти по всей Россіи. И это есть зло, съ которымъ уже ведется борьба каждымъ культурнымъ рабочимъ, но мы не можемъ согласиться, что это является „однимъ изъ страшныхъ золъ фабричной жизни“, хотя бы потому, что если поступившій ткачъ приглашаетъ чел. 10-15 и покупаетъ имъ 1/4 ведра водки, то смѣшно думать, якобы онъ этимъ заставляетъ ихъ пьянствовать, а не просто выпить послѣ работы и поздравить его съ поступленіемъ. И вѣдь это происходитъ не ежедневно на фабрикѣ и притомъ на такіе „могарычи“ удается попасть 1-3 раза въ годъ. И ужъ по истинѣ „не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ“ общества трезвости и г. Дадоновъ. Мы же позволимъ задать вопросъ: почему у насъ упомянутые „могарычи“ есть „пьянство, до нѣкоторой сте-

пени введенное въ систему" или „являются однимъ изъ страшныхъ золъ фабричной жизни", а у такихъ культурныхъ личностей, какъ даже у литераторовъ, разные юбилеи, обѣды, чествованія, гдѣ выпивается вина и водки уже во всякомъ случаѣ не меньше на человѣка, чѣмъ на любыхъ „могарычахъ", почему, спрашиваемъ, это не есть „пьянство, до нѣкоторой степени введенное въ систему", а, г. Дадоновъ? Почему, когда ихъ высочество „выпилъ бокалъ за здравіе", дальше „провозгласилъ тостъ", „отвѣтилъ здравицей", дальше „выпилъ за князя" и такъ безъ конца, пока отъ разныхъ „здравицъ, бокаловъ, тостовъ" не напьются до осатанѣнія, почему, г. Дадоновъ, это не есть „пьянство, до нѣкоторой степени введенное въ систему" и не есть „одно изъ самыхъ страшныхъ золъ жизни" высшихъ, образованныхъ классовъ? Вотъ напр., министръ Сипягинъ, объѣзжая это лѣто, всюду принималъ предлагаемые обѣды и былъ пьянъ хуже сапожника (извиняюсь передъ товарищами за такую фразу), а что это вѣрно, то рабочіе видѣли, какъ онъ съ Морозовскаго обѣда выходилъ „еле можахомъ", а пріѣзжалъ-то, по простому выраженію рабочихъ, „за брюками". И развѣ, г. Дадоновъ, все вышесказанное не развиваетъ „поголовное массовое пьянство"? Еще разъ: почему наши „могарычи" есть „пьянство, до нѣкоторой степени введенное въ систему", а все вышесказанное остальное нѣтъ? Мы знаемъ почему и не будемъ умалчивать объ этомъ. Разница, г. Дадоновъ, вся въ томъ, что вы, литераторы, а тѣмъ паче разныя превосходительства, высочества и т. п. трезвенники пьете въ хорошихъ ресторанахъ, клубахъ, квартирахъ, дворцахъ, а мы, бѣдный народъ, на задворкахъ, за подворотней буквально и въ лучшемъ случаѣ лѣтомъ на тощей травкѣ съ такого же тощаго качества закуской и если выпьемъ, то особой своей не можемъ хвалиться: мы тогда блѣдны, слабы. А видали-ли вы пьянаго г. Сипягина? онъ трезвый выглядитъ точно большой мѣдный кубъ, а пьяный еще краснѣе становится (кстати, совѣтуемъ ему пить меньше, дабы не сгорѣть отъ спирта, подобно бывшему екатеринославскому губернатору ген. Келлеру). Но если мы пьемъ на

задворкахъ, то это не даетъ вамъ права называть насъ пьяницами, а другихъ трезвенниками! Когда читаешь газеты, то видишь одно и то же: въ каждомъ номерѣ пестритъ здравица, бокалъ, тостъ и т. п. Всю жизнь люди проводятъ съ поднятымъ бокаломъ въ рукѣ, гг. же литераторы стараются умиляться, описывая благородныя выпивки. Эхъ, гг. литераторы, что можетъ быть позорнѣе этого?! Поневолѣ напрашивается вопросъ: гдѣ же общества трезвости? гдѣ г. Дадоновъ? гдѣ его наблюдательность? и почему онъ не скажетъ: „и почти ничего не развила изъ себя" образованность? Чего же они въ самомъ дѣлѣ молчатъ? Очень просто, они боятся, чтобы имъ кузькину мать не показали, а потому молчатъ про указанное пьянство. Другое дѣло рабочіе; про нихъ все можно говорить; рабочій связанъ, а потому почему же не подойти къ нему и не плюнуть ему въ харю? И вотъ ополчаются разныя общества трезвости, а за ними и гг. Дадоновы.

Съ пьянствомъ покончили, но съ г. Дадоновымъ еще нѣтъ. Относительно того, что приходится встрѣчать у нѣкоторыхъ рабочихъ триковые штаны, то въ этомъ мы ничего, кромѣ хорошаго, видѣть не можемъ. И въ самомъ дѣлѣ, что тутъ удивительнаго, если, живя въ городѣ, рабочій износитъ то, въ чемъ ходилъ въ деревнѣ, и теперь покупаетъ городскую одежду? Неужели г. Дадоновъ признаетъ городской костюмъ ненужнымъ для крестьянъ и оставитъ навсегда деревенскій костюмъ для народа? Если да, то это значитъ заодно признавать желательнымъ оставленіе въ деревняхъ черныхъ избъ. Я не думаю въ данномъ случаѣ возводить на г. Дадонова обвиненіе въ осмѣиваніи костюма, а подчеркнулъ то, что желательнѣе изъ двухъ предположеній. Очень давно уважаемый нами Плехановъ говорилъ про рабочихъ („Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи"), что они часто выгодно отличаются въ смыслѣ костюма отъ интеллигенціи (къ сожалѣнію, сейчасъ не имѣю подъ руками названной книги и не могу процитировать слова уважаемаго автора). Во всякомъ случаѣ, лучше пусть будетъ излишняя щеголеватость въ костюмѣ, нежели небрежность.

Квартирный вопросъ, правда, поставленъ у насъ слишкомъ скверно, чтобы его хвалить или защищать не только въ разбираемомъ нами городѣ, но и во всей Россіи. И рабочіе, живущіе въ такихъ тѣсныхъ квартирахъ, на столько свыклись съ ними, что вызываютъ чувство возмущенія у сколько-нибудь культурныхъ рабочихъ. Свыкшись, они признаютъ лучшимъ для себя жить въ нихъ, нежели поселиться вдвоемъ или втроемъ въ одной комнатѣ. Обыкновенно говорятъ они въ такихъ случаяхъ, что въ артели веселѣе, а тамъ сиди въ комнатѣ вдвоемъ или втроемъ, какъ въ тюрьмѣ. Къ этому десятками лѣтъ пріучало и выростило житье въ такихъ условіяхъ, а пришедшіе изъ деревни ни о чемъ не думаютъ въ первое время, кромѣ несчастной высылки 2-3 р. въ деревню, и потому готовы еще ухудшить эти условія. Выросши въ такихъ условіяхъ, масса не можетъ переносить одиночества, смотритъ на это подчасъ, какъ на наказаніе. Психологія та же, какую описалъ г-нъ Мельшинъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ: „Изъ міра отверженныхъ", гдѣ культурный человѣкъ не переноситъ жизни въ общихъ камерахъ и считаетъ это пыткой, гдѣ избавленіемъ ему служитъ одиночная камера. Но тамъ же для человѣка совершенно темнаго (не культурнаго) тоже одиночная камера будетъ служить обратно наказаніемъ, тогда какъ общая удовлетворитъ его. Въ Ив.-Вознесенскѣ всякій сколько-нибудь культурный рабочій старается жить отдѣльно, и если многіе живутъ въ артеляхъ, то также многіе живутъ по отдѣльнымъ комнатамъ или два семейства въ комнатѣ, а потому наблюдательный г. Дадоновъ могъ бы встрѣтить тамъ и кровати въ комнатахъ.

По истинѣ наблюдательность г. Дадонова удивительная. Онъ не то, что крыловскій герой — слона не примѣтилъ, о нѣтъ! Г. Дадоновъ, какъ пріѣхалъ въ Ив.-Вознесенскъ къ фабрикамъ, такъ сразу и замѣтилъ котловину, да еще какую! въ которой всѣ фабрики помѣстились: вотъ какая наблюдательность г. Дадонова! Обернувшись кругомъ, онъ очень многое подмѣтилъ, и потому сталъ понемногу повертываться къ котловинѣ, подобно крыльямъ вѣтряной мель-

ницы: сверху внизъ, сверху внизъ, снизу вверхъ, снизу вверхъ. Тутъ были подмѣчены и фабриканты, и администрація, и городское хозяйство и т. п., но мы объ этихъ подмѣчаніяхъ умолчимъ и скажемъ только относительно подмѣчанья насъ рабочихъ. И вотъ, повернувшись немного, видитъ, что „пьянство до нѣкоторой степени введено въ систему", еще повернувшись, видитъ: укладываются спать, да такъ плотно одинъ къ другому, словно астраханскія селедки въ бочкѣ, и стараются, чтобы голова одного приходилась у ногъ другого; еще повернувшись немного, онъ увидалъ рабочихъ (всѣхъ), у которыхъ нѣтъ ни малѣйшаго желанія что-нибудь почитать и никакого стремленія къ знанію; еще повернувшись, смотритъ: „распиваютъ штофъ водки", еще: „полицейскій надзиратель разбиралъ какое-то дѣло" и отъ дѣла остался изодранный кафтанъ; еще повернувшись, видитъ пустой театръ, хороводъ, слоняющуюся публику, и нигдѣ ни одной книги, и потомъ еще чуть повернулся, смотритъ: желѣзная дорога, а тамъ вдалекѣ и „Русское Богатство". И хотя наблюдательность была очень зорка, но одного г. Дадоновъ не подмѣтилъ и не удостоилъ начертать на страницахъ „Рус. Богатства". И признаемся, картина вышла не полная, а вѣдь всего-то не доставало нѣскольких слов, которыхъ мы въ правѣ были ожидать отъ наблюдательнаго г. Дадонова. И правда, что бы ему сказать: „И несомнѣнно, что рабочіе Ив.-Вознесенска очень лѣнивы". А впрочемъ, можетъ, г. Дадоновъ это восполнитъ, а пока вернемся къ главному обвиненію, что мы „глубоко равнодушны къ знанію".

Г. Дадоновъ уже получилъ отвѣтъ на свою статью отъ г. Шестернина, который указалъ наблюдательному г. Дадонову, что онъ взялъ ошибочную цыфру, т. е. „вмѣсто пороса взялъ вола"; мы же скажемъ, что съ нимъ бываютъ ошибки и въ обратномъ смыслѣ. Такъ, говоря о числѣ читающихъ, онъ заявляетъ: „Группа читателей въ возрастѣ отъ 20 до 30 лѣтъ составляетъ 23%". Откуда почерпнута эта цыфра, мы не знаемъ, да это и не такъ важно для насъ. Но вотъ что видно изъ отчета общества трез-

вости, который отражаетъ какъ разъ то время, которое описываетъ г. Дадоновъ. По возрасту распредѣленіе читателей показано въ слѣдующей таблицѣ:

Въ возрастѣ		до 15 лѣтъ		159	чел.	
„	„	отъ 15 „ 20 „		818	„	
„	„	„ 20 „ 25 „		240	„	16,41%
„	„	„ 25 „ 30 „		160	„	10,91%
„	„	„ 30 „ 40 „		54	„	
„	„	„ 40 „ 50 „		27	„	
		Выше 50		8	„	

Итакъ, оказывается, не 23%, а 27%. А какъ много читателей не рабочихъ, видно изъ слѣдующей таблицы:

Фабричныхъ рабочихъ.	1155	
Ремесленниковъ.	108	
Торговцевъ.	27	} 8%
Разныхъ.	95	
Безъ занятій.	81	
Итого.	1466	читателей.

Это тоже показываетъ хорошо, кто читаетъ книги, а если еще сопоставимъ число читателей съ одной стороны и число томовъ книгъ съ другой, то ясно, почему многіе читатели не постоянны:

Число читателей	1466
Число книгъ.	1496
Выдано книгъ за 14 мѣс.	14211 (первое мѣсто — Гоголь)

Выходитъ, что рабочіе, правда, читаютъ очень скверныя книги, но это происходитъ не потому, что у нихъ такой вкусъ, а за неимѣніемъ хорошихъ книгъ. Если бы г. Дадоновъ вздумалъ порицать крестьянъ за то, что они ѣдятъ лебеду, а не хлѣбъ, то это было бы вполнѣ аналогичное обвиненіе тому, которое онъ предъявляетъ къ ив.-вознесенскимъ рабочимъ. Г. Дадоновъ, упрекающій рабочихъ въ равнодушіи къ знанію, что Вы сдѣлали, чтобы предотвратить у нихъ такое равнодушіе? Ничего! Упрекающій рабочихъ, что они смѣшиваютъ земство съ урядникомъ, что Вы написали хорошаго о земствѣ? Ничего! Когда рабо-

чій получалъ образованіе въ сельской, въ церковно-приходской школѣ, то что хорошаго узналъ онъ тамъ о земствѣ? Ничего! Если будетъ написана популярная брошюра о земствѣ и его дѣятельности, будетъ допущена такая брошюра въ библіотеку общества трезвости или фабричную? Нѣтъ! А будетъ-ли возможность отъ этого получить ее рабочему? Нѣтъ! Хорошія книги, написанныя популярными авторами, изъ которыхъ интеллигенція черпаетъ знанія, такія книги можетъ-ли получать рабочій въ библіотекахъ, о которыхъ вы пишете? Нѣтъ! Книги, которыя получаетъ рабочій изъ библіотекъ, даютъ-ли ему настоящія знанія? Нѣтъ! Могутъ-ли интересовать получаемыя изъ упомянутыхъ пяти библіотекъ книги мало-мальски развитого рабочаго? Нѣтъ! Доступна-ли для рабочихъ лучшая описанная вами библіотека (публичная)? Нѣтъ! И такъ безъ конца, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ничего, ничего, ничего, а потому дѣлать заключеніе на нѣтъ и ничего все равно, что считать отъ десяти книзу и получится ничего. Это самое г. Дадоновъ и доказалъ, и стоило-ли изъ-за такой чепухи огородъ городить? Развѣ не сдѣлано все возможное, чтобы отохотить рабочихъ отъ библіотеки, въ которой бываетъ мастеръ, конторщикъ и кое-кто другой? Развѣ у насъ культурность и самостоятельность, а тѣмъ болѣе возвышеніе личнаго достоинства не служитъ еще во вредъ рабочему? Развѣ наши фабричныя библіотеки рѣдко служатъ мѣстомъ тайнаго наблюденія за благонадежностью рабочихъ? А относительно публичной библіотеки есть основаніе утверждать, что она-то ужъ въ этомъ отношеніи не можетъ быть названа безвинной овечкой. Развѣ въ библіотекахъ для народа не сдѣлано все, дабы по возможности извратить натуру человѣка изъ болѣе порядочной въ мерзкую? Развѣ гг. Комаровы мало потрудились и трудятся на этомъ поприщѣ? Вѣдь они-то туда несомнѣнно допущены. А допущено-ли туда „Рус. Бог.?“ Сомнѣваемся. Но главная причина, почему рабочіе плохо идутъ въ библіотеки, заключается отчасти въ плохомъ подборѣ, отчасти въ ужасной бѣдности книгами послѣднихъ, а потому въ трудности получить

намѣченную книгу даже изъ такого плохого подбора, и если часто читатели выбываютъ, то виною тому служитъ нерѣдко сама библіотека. Мы уже указали на цыфры упомянутаго отчета: всѣхъ читателей 1466 чел., а томовъ всего 1496 или 1074 названія, что это значитъ? А то, что если бы всѣ подписчики взяли по одной книгѣ, то въ читальнѣ осталось бы не больше 2% книгъ или читальня обанкротилась бы. И вотъ, поэтому, желающему почитать приходится довольствоваться всякой гадостью. Вотъ что еще говоритъ упомянутый отчетъ: рел.-нравственныхъ книгъ 20%, а берутъ ихъ только 10%; тогда какъ по словесности книгъ 60%, а берутъ 66%. Это какъ нельзя лучше подчеркиваетъ, въ чемъ чувствуется недостатокъ. Бросается въ глаза то, что г. Дадоновъ не желаетъ считать читателями людей, которые походятъ нѣкоторое время и оставятъ библіотеку за невозможностью получить тамъ книгу. — Дальше. То утвержденье г. Дадонова, что ни одной книги на дому нѣтъ въ цѣломъ районѣ съ 20,000 жителей, — явная и безграничная ложь, чтобы не сказать больше. Рабочіе постоянно имѣютъ свои тайныя библіотеки, гдѣ мало книгъ, но за то всѣ книги на подборъ и постоянно читаются. И вотъ этотъ-то настоящій читатель рѣдко когда пойдетъ въ упомянутыя библіотеки, во-первыхъ, рискуя выдѣлиться, во-вторыхъ, не имѣя надежды получить тамъ что-нибудь хорошее. Очень часто и въ Ив.-Вознесенскѣ рабочій развитый принужденъ носить личину глупаго человѣка. Г. Дадоновъ не знаетъ и не поинтересовался узнать, какъ оберегается вся владимірская губ. отъ знанія, а тѣмъ болѣе отъ соціализма, — не страшитесь, г. Дадоновъ, этого слова! Было нѣсколько лицъ, желавшихъ открыть въ Ив.-Вознес. книжную торговлю, но они постоянно получали отказъ въ разрѣшеніи. Не отказывали-ли имъ изъ опасенія, что не будетъ покупателей? Въ Орѣхово-Зуевѣ есть книжная торговля, но тамъ строго воспрещается продавать хорошія популярныя книги, и желающіе купить наталкиваются на „нѣтъ“ и „ничего“. Тамъ же рабочіе постоянно жалуются на неудачи въ библіотекѣ — это жалобы общія. Въ Шуѣ

(см. корреспонд. въ ном. 6 „Искры") одинъ изъ рабочихъ, выйдя изъ библіотеки и пройдя нѣсколько саженей, былъ остановленъ городовымъ, который справился: „что за книга" и потомъ, убѣдившись самъ, какая и откуда выдана, возвратилъ обратно рабочему. Не будь на этой книгѣ штемпеля библіотеки, едва-ли бы рабочій такъ скоро получилъ книгу обратно. Можно быть увѣреннымъ, что упомянутый городовой имѣлъ инструкціи относительно наблюденія. А жандармскій ротмистръ на чинимомъ имъ допросѣ сурово спрашиваетъ рабочаго: почему онъ взялъ читать именно такую книгу, а не религіозную, какое-нибудь житіе? И диво бы еще книга была какая-нибудь особая, а то по каталогу, одобренному министерствомъ! Все это, конечно, рабочіе потомъ узнаютъ, и слабые духомъ трепещутъ потомъ передъ входомъ въ библіотеку: желаніе получить книгу, съ одной стороны, и страхъ — съ другой. А знаете-ли, г. Дадоновъ, каково бываетъ положеніе рабочаго, когда противъ него дѣйствуютъ темныя силы. Возьмемъ опять Орѣхово. Тамъ власти арестовали сочиненія Рѣшетникова, какъ воспрещенную книгу, и потомъ на основаніи этого уничтожаютъ такія книги. Какъ говорили, тамъ же въ библіотекѣ нельзя рабочему добиться порядочной книги: говорятъ — занята, а конторщики держатъ мѣсяцами по два, по три тома на квартирахъ, и вообще часто замѣчаютъ, если рабочій спрашиваетъ порядочную книгу въ фабричной библіотекѣ, то почти постоянно получаетъ отказъ, — книга занята, хотя на самомъ дѣлѣ она спокойно лежитъ на полкѣ. Какъ заботятся о развитіи у рабочихъ чтенія, видно изъ того, что существуетъ параграфъ, карающій за чтеніе вслухъ въ казармѣ, хотя бы читали вслухъ для безграмотного рабочаго. Пусть не сердится на меня г. Дадоновъ, что я зайду за границу Владимірской губ., въ Богородскъ. Рабочихъ на фабрикѣ З. Морозова кормятъ самой отборной умственной гадостью, и потому рабочимъ не зачѣмъ ходить въ библіотеку. Если тамъ Достоевскаго нѣтъ, то что же можно получить порядочнаго для удовлетворенія умственной

потребности, кромѣ лубочныхъ изданій и поповскихъ глупыхъ наставленій и одурачиваній.

Таковы въ общихъ чертахъ способы и средства удовлетворенія умственныхъ потребностей рабочихъ. Изъ вышеизложеннаго видно, что какъ будто даютъ возможность читать и стремятся удовлетворить умственныя потребности, признаютъ оффиціально эту необходимость удовлетворенія правительство, фабриканты и разныя общества, съ одной стороны. Но и не какъ будто, а на самомъ дѣлѣ ревутъ, вопрошаютъ, предписываютъ: какъ смѣешь читатъ безграмотному? Какъ ты выдумалъ читать въ казармѣ вслухъ? Выгнать его на вольную квартиру!... Почему читаешь не религіозныя, а такія? Нѣтъ такой книги, занята. Кто такой, гдѣ работаешь? Это съ другой стороны. И вотъ при такихъ условіяхъ, когда слышишь, что изрекаютъ: „глубоко равнодушны къ знанію“, то неужели для насъ человѣкъ, произносящій такой приговоръ, не будетъ казаться возмутительнымъ? Г. Дадоновъ говоритъ: „Во всѣхъ названныхъ читальняхъ (пяти) находится около 8.000 томовъ и ими пользуется около 3.000 читателей“. Есть основаніе не вѣрить г. Дадонову, такъ какъ въ одной читальнѣ общества трезвости находится, какъ мы видѣли, 1466 чел.; почему же при одинаковомъ количествѣ книгъ въ каждой (конечно, не абсолютно) не предположить, что и читателей почти столько же во всѣхъ прочихъ библіотекахъ. Если г. Дадоновъ тутъ сказалъ неправду, то пусть это останется на его совѣсти. Для насъ вполнѣ ясно и доказательно, что ни въ одной библіотекѣ хорошія книги не залеживаются, а если разная ерунда и остается „для выбора“, то мы не имѣемъ основанія печалиться, что ее не читаютъ. Читать религіозно-нравственныя книги можетъ тотъ, кто желаетъ поглупѣть, мы же искренно этого не желаемъ. Остается еще сказать кое-что о публичной библіотекѣ, гдѣ г. Дадоновъ видѣлъ, что рабочіе не считаютъ нужнымъ удѣлить ...„20 коп. въ мѣс. изъ своего 15-20 рублеваго заработка“. Пусть проститъ мнѣ читатель, что я не призналъ г. Дадонова крыловскимъ героемъ, который слона-то и не примѣ-

тилъ, а очень зоркимъ и наблюдательнымъ человѣкомъ. И тяжело мнѣ признаваться, ну, да что дѣлать, покаюсь! Вѣдь и, правда, читатель, слона-то онъ и не примѣтилъ! Ну, и штуку удумалъ-таки г. Дадоновъ! Что же такое? А то оказывается, что нужно внести 2 руб. за чтеніе да тутъ же четыре рубля залогу за книгу оставить. И диви отъ большого заработка, а ну какъ въ зимнее время рабочій заработаетъ 8-9 руб. въ мѣс., а тутъ залогу такую окказію, — четыре рубля за чтеніе... Охъ, не съ руки это намъ, г. Дадоновъ! Повѣрите, ей Богу, не съ руки! Статочное-ли дѣло половину заработка отдать въ залогъ за книги, когда и на хлѣбъ со щами чувствуемъ недохватку. Нѣтъ, ужъ увольте, какъ-нибудь обойдемся!... Да и то по секрету вамъ нужно сказать, не безопасно туда ходить нашему брату. Пошелъ такъ-то одинъ, онъ не удовлетворился этими библіотеками, про которыя вы намъ сообщили, ну, вотъ запомнилъ онъ болѣе порядочныхъ книгъ названій пять, да прямо въ публичную.

— Такъ и такъ, позвольте, молъ, мнѣ такую-то книжку.

— Такой нѣтъ.

— Ну, такую. — И такой нѣтъ. — А такую? — Тоже нѣтъ.

— Позвольте тогда Дарвина. — Да ты кто такой? — Рабочій. — А гдѣ работаешь? — Вамъ это зачѣмъ? — Ну, гдѣ ты живешь? и т. д. Наконецъ, разсказалъ рабочій все, гдѣ живетъ, гдѣ работаетъ, да такъ безъ книги и ушелъ изъ публичной. Навѣрное, потомъ рабочаго искали на фабрикѣ, но оказалось, что онъ сказалъ не настоящее имя, а выдуманное. Такъ вотъ оно что, г. Дадоновъ! Ужь не потому-ли вамъ отвѣчали, что рабочіе не интересуются бытомъ рабочихъ въ другихъ странахъ? А вѣдь и правда, г. Дадоновъ, потому! Ларчикъ-то, оказывается, открывается очень просто, а вы столько времени ходили кругомъ да около, напрасно, совсѣмъ напрасно! Для насъ очень понятно, что вамъ отвѣтили относительно отсутствія у рабочихъ интереса къ бытоописанію жизни рабочихъ въ другихъ странахъ и относительно другихъ вопросовъ. „Овцы тамъ навѣрно были? Охъ, нѣтъ, про нихъ-то и забыли!“

Г. Дадоновъ тоже устроилъ нѣчто похожее на волчій судъ. Для того, чтобы утверждать, что рабочіе равнодушны къ знанію и не хотятъ ничего читать, нужно въ Ив.-Вознесенскѣ открыть библіотеку не меньше, чѣмъ на 25.000 томовъ и притомъ не по выбору министерскихъ каталоговъ или, еще хуже, каталоговъ для библіотекъ обществъ трезвости, а по выбору читателей, и чтобы тамъ не смотрѣли на рабочаго, какъ на существо нисшее, и чтобы у рабочихъ не арестовывали Рѣшетникова, какъ книгу воспрещенную, — тогда и видно было бы стремленіе рабочихъ къ знанію. Гг. Дадоновы, дѣйствующіе въ интересахъ Сипягиныхъ и т. п., пусть не забываютъ, что послѣдніе держатъ дубинку съ надписью: „на основаніи 144 ст.“ и т. д., которой постоянно готовы ошарашить по головѣ „Рус. Бог.“ и другіе органы и такимъ органамъ не удастся замолить своихъ грѣховъ передъ Сипягинымъ статьями гг. Дадоновыхъ.

А позвольте спросить васъ, г. Дадоновъ, что сдѣлано для насъ въ смыслѣ газетъ? Есть-ли хоть одна порядочная газета? и если есть, доступна-ли она по цѣнѣ Ив.-Вознесенскимъ рабочимъ? Рабочіе, выписывающіе газеты, могутъ-ли они что-нибудь почерпнуть изъ нихъ порядочное? Нѣтъ! И пока нѣтъ надежды получить порядочную газету, дающую рабочему что-нибудь добросовѣстное, которая говорила бы правду прямо въ глаза, не стѣсняясь. Газеты же подобныя „Свѣту“ могутъ только унизить, одурачить рабочихъ; „Биржевыя Вѣдомости“ тоже стараются доказать, что рабочіе невѣжественны, тогда какъ жалованье получаютъ большое (должный отвѣтъ получилъ г. Независимый отъ слесаря). „Бирж. Вѣд.“ разсуждаютъ такъ: стоитъ ихъ величеству слово сказать, и земной шаръ тотчасъ же раскроется пополамъ и изъ него, какъ изъ арбуза, посыпятся зернышки въ видѣ разныхъ циркуляровъ объ ослабленіи цензурныхъ условій и гг. редакторы умильно будутъ ихъ подбирать. Ихъ же величество, выбросивши несущественную часть, продолжаетъ сосать соки изъ русскаго народа. Выходитъ, что русскому рабочему нѣтъ никакой возможности развиться цензурно и потому онъ охотно склоняется

достигать этого безцензурнымъ путемъ и вотъ выходитъ, что гдѣ бы ни появлялась нелегальная литература и въ какомъ угодно количествѣ, ея все равно чувствуется большой недостатокъ, рабочіе читаютъ ее, интересуются ею, скрываютъ ее, хотя все это сопряжено съ большими неудобствами и не рѣдко не безопасно для личности. Пусть доставитъ намъ г. Дадоновъ что-либо порядочное, и мы найдемъ желающихъ прочесть доставленное и людей, несомнѣнно интересующихся наукой и знаніемъ. Вообще лучше было бы, чтобы гг. Дадоновы приходили не смотрѣть, что читаютъ, а принесли бы что-нибудь прочесть. Если этого они не желаютъ нести рабочему, то пусть несутъ крестьянину, который духовно въ десять разъ голоднѣе рабочаго фабричнаго или заводского и все же для такихъ голодныхъ гг. Дадоновы не желаютъ пальцемъ о палецъ ударить. У насъ хулителей всегда было и есть слишкомъ много, а порядочныхъ людей намъ рѣдко приходится встрѣчать и тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ встрѣтимъ всякаго желающаго дѣлать посильное для просвѣщенія. Да простится мнѣ: хотѣлъ бы спросить: много-ли читаетъ интеллигенція съ клеймомъ извѣстнаго образованія въ какомъ-нибудь провинціальномъ городкѣ, какъ-то: становой, исправникъ, слѣдователь, попъ, помѣщикъ, чиновники, земскіе начальники, офицеры? Можно сказать не преувеличивая, что они больше заняты картами и пьянствомъ, нежели чтеніемъ, а, кажется, и образованіе получили не такое, какъ рабочіе, времени имѣютъ чертову пропасть противъ рабочихъ, не такъ тѣсно живутъ, да и кормятся противъ нашего куда какъ не плохо. Отчего это, г. Дадоновъ?

Относительно театровъ фактъ общеизвѣстный и подтвержденія не требующій, что всюду бываютъ театры полнехоньки, если только въ нихъ ставятся порядочныя вещи и хорошо исполняются и если цѣны мѣстамъ не дороги да притомъ слышно со сцены въ дешевое мѣсто, что не всегда на самомъ дѣлѣ бываетъ. И если г. Дадоновъ рабочихъ не замѣтилъ, то возможно, что онъ ожидалъ въ театрѣ встрѣтить рабочихъ съ засучеными рукавами, какъ они

бываютъ на фабрикѣ или выходятъ изъ послѣдней. Наблюдательность г. Дадонова мы знаемъ.

Пойдемъ дальше. Г. Дадоновъ говоритъ вотъ что: „не замѣтно никакихъ симптомовъ коопертивнаго движенія“. Если онъ не замѣтилъ никакихъ симптомовъ, то мы замѣтили цѣлое общество потребителей, его лавки, его уставъ. На это же самое отвѣчалъ г. Шестернинъ; но мы скажемъ по этому поводу кое-что другое, чего не сказалъ г. Шестернинъ. Именно, что въ данный моментъ въ Россіи какая бы то ни было правильная кооперативная дѣятельность парализована или, если хотите, терроризована. Если рабочіе гдѣ что-либо подобное вздумаютъ устроить и сразу не будетъ видно, что это учрежденіе чисто буржуазное, то прежде всего они должны доказать свою благонадежность, а такъ какъ въ благонадежность предержащія власти постоянно не вѣрятъ, то и выходитъ, что еще уставъ общества не выработанъ, а нѣкоторые члены уже знаютъ кузькину мать. А пока этотъ уставъ таскается по канцеляріямъ, то и остальныхъ членовъ постараются силой куда-нибудь спровадить. Въ Россіи было очень большое количество подано всякихъ уставовъ, но утверждено было слишкомъ мало и то такія, гдѣ почетнымъ членомъ или обязательнымъ состоитъ губернаторъ, фабрикантъ, заводчикъ, фабричный инспекторъ и т. п. И быть увѣреннымъ, что въ такихъ обществахъ есть основаніе думать объ улучшеніи положенія рабочихъ, все равно, что утверждать, якобы земскіе начальники отцы родные для крестьянъ. Постоянно у рабочихъ въ большихъ городахъ есть желаніе открыть клубъ для рабочихъ, но его пока еще не разрѣшили. Поэтому рабочій въ силу необходимости шелъ въ трактиръ послушать органъ или гармонику, и остроумничать надъ этимъ нехорошо господамъ литераторамъ. Разрѣшенныя же общества постоянно должны чувствовать и находиться подъ страхомъ закрытія, на собраніяхъ должны говорить оглядываясь, какъ бы какая жаба или гадюка не прыгнула на шею; постоянно дрожать за денежный фондъ, какъ бы его не арестовало и не присвоило правительство. Стоитъ только допустить мысль

о стачкѣ и помощи такого общества своимъ членамъ-стачечникамъ, какъ уже общество прикажетъ долго жить по распоряженію губернатора. Очевидно, г. Дадонову неизвѣстно, что случаи очень не рѣдки, когда рабочіе вырабатывали уставы и, только подписавши, успѣвали подать, какъ всѣ подписавшіеся бывали арестованы и административнымъ порядкомъ попадали въ Архангельскую, Вологодскую, Вятскую губернію. И ужь не потому-ли, что у нихъ было „незамѣтно никакихъ симптомовъ кооперативнаго движенія“? Смѣемъ увѣрить г. Дадонова, что мы это говоримъ на основаніи фактовъ, и не въ нашихъ интересахъ говорить противъ кооперацій. Только трезво смотря на дѣйствительность, приходится признаться, что при современномъ политическомъ безправіи кооперации не могутъ быть настолько полезны рабочимъ, насколько правительству. Всякій энергичный рабочій, увлекшись кооперацiями, этимъ осудитъ себя на толченіе воды въ ступѣ или топтаніе на одномъ мѣстѣ. Въ десять лѣтъ при современномъ безправномъ положеніи кооперація не сможетъ дать того, что она сможетъ дать въ одинъ годъ при политической свободѣ, а потому мы больше желаемъ, чтобы увлекались нелегальнымъ просвѣщеніемъ массъ (агитаціей), а не кооперацiями. Всякій знаетъ, каковы современныя существующія кооперативныя общества и потребительныя лавки, во что они выродились въ Россіи. Именно, мѣстами они носятъ характеръ чисто буржуазныхъ учрежденій, мѣстами характеръ хорошихъ хозяйскихъ способовъ полученія отъ рабочихъ обратно заработка, мѣстами чисто бюрократическое (чиновничье) учрежденіе, мѣстами — затрудняюсь назвать, но смыслъ таковъ: дайте ваши деньги, мы ими будемъ распоряжаться! Теоретически цѣль обществъ почти всюду одинакова и выражается словами § 1: „учреждается съ цѣлью доставленія своимъ членамъ по возможно дешевой цѣнѣ жизненныхъ продуктовъ“ и т. п.; это, какъ мы сказали, теоретически, а на практикѣ совсѣмъ другая пѣсня.

Къ первому порядку можно причислить лавки на паяхъ (напр., такая лавка въ СПБ. на Путиловскомъ заводѣ).

Устанавливаются съ начала основанія нѣсколько паевъ. Часто, конечно, пайщиками состоятъ не рабочіе, и вотъ, какъ только дѣло встало въ коммерческомъ смыслѣ на ноги, пайщики стремятся сократить число паевъ или, если этого нельзя сдѣлать, забрать паи въ меньшее количество рукъ и тогда цѣнность пая растетъ такъ, что простой рабочій сдѣлаться пайщикомъ не можетъ; правда, онъ перестаетъ и думать объ этомъ. Пайщики получаютъ хорошій дивидендъ, а заборщики, если кое-что и получать, то только въ хорошей лавкѣ и въ счастливый годъ. Дѣлами лавки вертятъ нѣсколько лицъ, и заборщики никакого вліянія на нихъ не имѣютъ. Другой случай. На фабрикахъ и заводахъ очень много лавокъ, открытыхъ на средства хозяевъ, и ими же ставится администрація, они же и получаютъ всѣ доходы. Захоти рабочіе тамъ устроить что-нибудь свое кооперативное и они немедленно будутъ уволены съ фабрики или даже познакомятся съ гг. Синягиными, и послѣдніе не преминутъ примѣнить къ нимъ административныя мѣры воздѣйствія. Рабочіе же, приходя въ лавки, гдѣ они принуждены платить кровныя деньги, должны себя держать, какъ на фабрикѣ: тутъ то же фабричное начальство, оно одинаково можетъ прогнать съ фабрики, а потому — бери, не разговаривая, что даютъ. Служить средствомъ борьбы коопераціи не могутъ, въ данномъ случаѣ приходится рамки экономической борьбы расширить до политической. Въ третьемъ случаѣ лавки при желѣзныхъ дорогахъ всюду носятъ характеръ чиновничій и хотя главный доходъ получается съ рабочихъ, но послѣдніе не могутъ провести достаточное число рабочихъ въ управленіе лавки, а тѣ, которые и попадаютъ, идутъ на помочахъ у чиновниковъ. Въ четвертыхъ. Есть лавки, гдѣ трудно отличить администрацію лавки отъ администраціи завода, не смотря на то, что первая выборная (Брянскіе заводы). Представьте себѣ, что въ администрацію лавки попадаетъ человѣкъ, нежелательный администраціи завода. И что же? Она такого человѣка спокойно увольняетъ съ завода, и онъ тогда лишается права быть не только членомъ правленія лавки, но даже простымъ

заборщикомъ таковой. И это можетъ случиться не только въ упомянутой лавкѣ (Брянскихъ заводовъ), но почти въ каждой. Въ пятыхъ, Орѣховская лавка функціонируетъ на деньги рабочихъ, и всякій, кто желаетъ забирать въ ней, долженъ опредѣлить сумму своего забора, предположимъ, 10 руб., и таковую впередъ внести и только тогда можетъ быть заборщикомъ, но не больше, какъ на ту сумму, какую внесъ. Это, кажется, послѣднее слово кооперацiи въ Россiи. И тутъ администрацiя выборная, но при выборахъ собравшіеся мастера, конторщики и прочая фабричная администрацiя фактически являются вершителями судебъ лавки. Рабочіе стоятъ позади и только поддакиваютъ конторщикамъ, которые, конечно, предлагаютъ своихъ кандидатовъ. Вотъ въ общихъ коротнихъ словахъ система нашихъ кооперативныхъ обществъ, и та работа, которая въ нихъ выпадаетъ на долю рабочихъ, работа незавидная! Но за то рабочіе повсюду въ нихъ являются стадомъ овецъ, которыхъ стараются почаще стричь. Посмотримъ, что выигрываютъ рабочіе, если они забираютъ въ кооперативныхъ или общественныхъ лавкахъ. Всюду въ Россiи въ любой такой лавкѣ вотъ какъ поступаютъ. Самая хорошая, мягкая часть мяса попадаетъ управляющему на столъ, потомъ мастерамъ, конторщикамъ, смотрителямъ, приказчикамъ, а кости, жилистая часть, — словомъ, плохое мясо попадаетъ рабочимъ, залежалое мясо — тоже рабочимъ, попортилось — тоже имъ. Недавно пришлось слышать, какъ въ Орѣховѣ усиленно сбывали рабочимъ солонину съ червями. Именно — „сбывали“: кто написалъ 2 фунта, тому вѣсили 3 ф. и т. п. Спохватившись, рабочіе перестали писать мясо и этимъ только спаслись; кто выписалъ, тотъ уже не могъ не взять. Если кто изъ заборщиковъ сдѣлаетъ замѣчаніе на плохое качество товара, то цѣлая буря поднимется противъ него. Въ лучшемъ случаѣ вырвутъ у него изъ рукъ и крикнутъ, что, молъ, если не хочешь брать, тогда и писать было не нужно. Хорошо, если рабочій молча уйдетъ, а то бываетъ и хуже: запишутъ номеръ книжки, а тамъ вызовъ въ контору, гдѣ громовыя слова: бунтъ, возмущеніе, стачка, тюрьма, Сибирь,

такъ и сыпятся на голову строптиваго рабочаго. Бываетъ, что управляющій лавки заставляетъ уволить рабочаго съ завода или фабрики, и это только за то, что рабочій не пожелалъ взять плохое мясо или же указалъ на какой-нибудь случай злоупотребленія. Нужно еще взять во внимание, что постоянно приходится долго ожидать, пока получишь желаемый продуктъ. Бываютъ очень нерѣдко ошибки, что заборщикъ наберетъ на 8-9 р., а у него вычтутъ въ получку 12-15 р. Туда-сюда суется рабочій, наконецъ, удается установить ошибку, но деньги-то задержали и потому жди до слѣдующаго мѣсяца. Но если ошибка произошла не на 5-6 руб., а на 1 рубль или 50 коп., то рабочій махнетъ рукой въ большинствѣ случаевъ: такъ пріятно для него доискаться ошибки! Но самую главную вину можно выставить противъ современныхъ кооперативныхъ лавокъ ту, что они поступаютъ какъ разъ наоборотъ противъ цѣлей своего основанія, т. е. продаютъ товары не всегда доброкачественные, а берутъ очень часто дороже частныхъ торговцевъ. Такъ, упомянутая (брянская) лавка беретъ на нѣкоторые товары 20-25% дороже, а 5-10% — это явленіе у насъ самое заурядное; ив.-вознесенская продаетъ товаръ не дешевле частныхъ лавокъ, но за то послѣдния при расплатѣ скидываютъ 2-5%, общество же этого не дѣлаетъ; въ Орѣховѣ мясо продаютъ въ потребительныхъ лавкахъ дороже, чѣмъ въ частныхъ, и притомъ третій сортъ не записываютъ, это значитъ, что его считаютъ за второй сортъ. Обращеніе всюду съ заборщиками грубое; кто почище и съ положеніемъ, тотъ постоянно пользуется привилегіями. Это все, во что выродилось у насъ благородная идея коопераціи. То, что мѣстами заграницей служитъ облегченіемъ и помощью для рабочихъ, то у насъ пока еще есть бичъ рабочихъ, и не мудрено, что повсюду кооперативныя лавки не пріобрѣли еще симпатій рабочихъ, и не сладки плоды, пожинаемые рабочимъ отъ коопераціи! Потому-то гг. Дадоновы и могутъ говорить объ отсутствіи симптомовъ и стремленій.

Еще не все! Относительно коопераціи наши Сипягины могутъ сказать, что они у насъ разрѣшаются и никакихъ

особыхъ препятствій противъ нихъ нѣтъ. Они (Сипягины) все сдѣлали, дабы загадить благородную идею и идутъ уже гораздо дальше. Такъ, недавно одинъ жандармскій ротмистръ разъяснялъ, что его превосходительство г. губернаторъ охотно разрѣшаетъ и даже сочувствуетъ артелямъ Левицкаго, и потому-де рабочимъ этого опасаться не слѣдуетъ; преслѣдовать, молъ, за это не будутъ. А Святополкъ-Мирскій тоже говорилъ: „Чего бы тутъ (въ Екатеринославѣ) не устроить какого-нибудь рабочаго союза?“ Не знаемъ, легко-ли онъ разрѣшаетъ теперь рабочіе союзы? Впрочемъ, онъ человѣкъ предупредительный. Едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что правительство позаботилось своевременно извратить смыслъ коопераціи, загадить благородную идею, а теперь, чувствуя приближеніе неизбѣжности рабочихъ союзовъ, оно старается направить ихъ по руслу ошибокъ, неудачъ и тѣмъ парализовать ихъ хорошія стороны. Таковъ смыслъ ихъ неподдѣльнаго сочувствія. Поэтому приходится быть вдвойнѣ осторожнымъ и очень зоркимъ, чтобы все подмѣтить своевременно (совѣтуемъ гг. московскимъ профессорамъ, устроителямъ бесѣдъ съ рабочими, вникнуть въ эти слова. Редакція) Вполнѣ-ли это удастся, сказать трудно.

Заканчивая свою статью, г. Дадоновъ говоритъ: „точно также извнѣ пришла на фабрику жажда свѣта, культуры“. Не думаетъ-ли г. Дадоновъ, что свѣтъ пришелъ на фабрику съ военной службы? и что солдаты несутъ туда культуру? Если да, то очевидно, что у г. Дадонова и чертополохъ сойдетъ за шелковицу. Я же приведу такой примѣръ: въ настоящее время служитъ въ солдатахъ одинъ изъ бывшихъ фабричныхъ, который видѣлъ фабричный „бунтъ“ да и самъ не былъ простымъ зрителемъ; уходя въ солдаты, онъ оставилъ послѣ себя товарищей. Такъ вотъ пишетъ этотъ солдатъ: „я своего дѣла и тутъ не оставляю, и есть у меня такихъ же людей, какъ и я, человѣкъ десять“... Ага! оказывается, опять ларчикъ открывается просто и становится понятно, какимъ путемъ знаніе проникаетъ въ головы солдатиковъ. А нужно сказать, теперь изъ фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ попадаетъ-таки на службу не мало

людей, которые просятъ прислать имъ книженокъ, да получше, а при случаѣ съ оказіей и нелегальныхъ послать. Вотъ что знаемъ мы, рабочіе. Скажу еще вотъ что: изъ Иванова-Вознесенска высылаютъ рабочихъ, не менѣе интеллигентныхъ, чѣмъ Иванъ Фроловъ (о которомъ упоминаетъ г. Дадоновъ), хотя, можетъ быть, они и не занимаются стихами и вамъ извѣстны не были. И все же въ Иваново-Вознесенскѣ остаются еще развитые рабочіе, хотя сюда никакихъ неблагонадежныхъ не пускаютъ. Выходитъ даже нѣкоторая аналогія (сходство) съ университетомъ: какъ университетъ выпускаетъ и высылаетъ часть „свѣта и культуры“ въ разные уголки Россіи, такъ точно и Ив.-Вознесенскъ разсылаетъ со своими рабочими „свѣтъ культуры“ во всѣ концы Россіи.

РАБОЧІЙ ЗА РАБОЧИХЪ.

Prix 25c.

Типографія „Искры“.

